МАЯКОВСКІЙ

ЧЕЛОВѢК

В. МАЯКОВСКІЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

ВЕЩЬ.

ТЕБѢ ЛИЛЯ.

Священнослужителя міра, отпустителя всѣхъ грѣховъ солнца ладонь на головѣ моей.
Благочестивѣйшей изъ монашествующихъ—ночи облаченіе на плечахъ моихъ.
Дней любви моей тысячелистое Евангеліе цѣлую.

Звенящей болью любовь замоля,
душой
иное шествіе чающій
слышу
твое земля
„Нынѣ отпущаеши!“

Въ ковчегѣ ночи
новый Ной
я жду,
въ разливѣ ризъ
сейчасъ придутъ,
придутъ за мной
и узелъ разсѣкутъ земной
сѣкирами зари.

Идетъ!
Пришла.
Раскуталась.
Лучи вездѣ!
Скребутъ они.
Запѣли петли утло
и тихо входятъ будни
съ ихъ шелухою сутолокъ.

Солнце снова.

Зоветъ огневыхъ воеводъ.
Барабанитъ заря
и туда
за земную грязь вы!
Солнце!
что жъ
своего
глашатая
такъ и забудешь развѣ?

Рождество Маяковскаго

Пусть, наущенные современниками, пишут глупые историки: „скушной и не интересной жизнью жилъ замѣчательный поэтъ.“

Знаю
не призовутъ мое имя
грѣшники,
задыхающіеся въ аду.
Подъ аплодисменты поповъ
мой занавѣсъ не опустится на Голгоѳѣ.
Такъ вотъ и буду
въ Лѣтнемъ саду
пить мой утренній кофе.
Въ небѣ моего Виѳлеема
никакихъ не горѣло знаковъ,
никто не мѣшалъ
могилами
спать кудроголовымъ волхвамъ.

Былъ абсолютно какъ всѣ
— до тошноты одинаковъ —
день
моего сошествія къ вамъ.
И никто
не догадался намекнуть
недалекой
неделикатной звѣздѣ
„звѣзда—молъ —
лѣнь сіять напрасно вамъ!
Если не
человѣчьяго рожденія день
то чорта-ль
звѣзда
тогда еще
праздновать?!“

Судите:
говорящую рыбешку
выудимъ нитями невода
и поемъ,
поемъ золотую
воспѣваемъ рыбачью удаль.

Какъ же
себя мнѣ не пѣть
если весь я
сплошная невидаль,
если каждое движеніе мое
огромное,
необъяснимое чудо.
Двѣ стороны обойдите.
Въ каждой
дивитесь пятилучію.
Называется „Руки".
Пара прекрасныхъ рукъ!
Замѣтьте:
справа налѣво двигать могу
и слѣва направо.
Замѣтьте:
лучшую
шею выбрать могу,
обовьюсь вокругъ.

Черепа шкатулку вскройте
сверкнетъ
драгоцѣннѣйшій умъ.

— Есть ли
чего бъ не могъ я!
Хотите
новое выдумать могу
животное?
Будетъ ходить
двухвостое,
или треногое.
Кто цѣловалъ меня
скажетъ,
есть ли
слаще слюны моей сока.
Покоится въ немъ у меня
прекрасный,
красный языкъ.
„о-го-го“ могу
зальется высоко, высоко.
„О-ГО-ГО“ могу
и охоты поэта соколъ
голосъ
мягко сойдетъ на низы.

Всего не сочтешь!
Наконецъ
чтобъ въ лѣто
зимы,
воду въ вино превращать чтобъ могъ —
у меня
подъ шерстью жилета
бьется
необычайнѣйшій комокъ.
Ударитъ вправо—направо свадьбы.
Налѣво грохнетъ—дрожатъ миражи.
Кого еще мнѣ
любить устлать бы?
Кто ляжетъ
пьяный,
ночами ряженъ?

Прачешная.
Прачки.
Много и мокро.
Радоваться, что-ли, на мыльные пузыри?

Смотрите
исчезаетъ стоногій окорокъ!
Кто это?
Дочери неба и зари?

Булочная.
Булочникъ.
Булки выпекъ.
Что булочникъ?
Мукой измусоленный ноль.
И вдругъ
у булокъ
загибаются грифы скрипокъ.
Онъ играетъ.
Все въ его влюблено.

Сапожная.
Сапожникъ.
Прохвостъ и нищій.
Надо
на сапоги
какія-то головки.

Взглянулъ
и въ арфы распускаются голенища.
Онъ въ коронѣ.
Онъ принцъ.
Веселый и ловкій.

Это я
сердце флагомъ поднялъ.
Небывалое чудо XX-го вѣка!

И отхлынули паломники отъ Гроба Господня.
Опустѣла правовѣрными древняя Мекка.

Жизнь Маяковскаго

Ревомъ встревожено логово банкировъ
вельможъ и дожей.

Вышли
латы
золото тенькая.

„Если сердце все
то на что
на что же
васъ нагребъ дорогія деньги я?
Какъ смѣютъ пѣть,
кто право далъ?
Кто днямъ велѣлъ іюлиться?
Заприте небо въ провода!
Скрутите землю въ улицы!

Хвалился
„Руки“?!
На ружье жъ!
Ласкался днями лѣтними?
Такъ будешь
весь!
колючь какъ ежъ.
Языкъ оплюйте сплетнями!“
Загнанный въ земной загонъ
влеку дневное иго я.
А на мозгахъ
верхомъ
„Законъ“,
на сердцѣ цѣпь
„Религія“.

Полъ жизни прошло, теперь не вырвешься.
Тысячеглазъ надсмотрщикъ, Фонари, фонари
фонари...

Я въ плѣну.
Нѣтъ мнѣ выкупа!
Оковала земля окаянная.

Я бы всѣхъ въ любви моей выкупалъ
да въ дома обнесенъ океанъ ея!
Кричу...
и чу!
ключи звучатъ!
Тюремщика гримаса.
Бросаетъ
съ острія луча
клочекъ гнилого мяса.

Подъ хохотливое
„Ага!“
бреду по бреду жара.
Гремитъ
приковано къ ногамъ
ядро земного шара.
Замкнуло золото ключемъ
глаза.
Кому слѣпого весть?
Навѣкъ
теперь я
заключенъ
въ безсмысленную повѣсть!

Долой высокихъ вымысловъ бремя!
Бунтъ
музъ обреченнаго данника.
Вѣрящіе въ павлиновъ
— выдумка Брэма!—
вѣрящіе въ розы
— измышленье досужихъ ботаниковъ—
мое
безупречное описаніе земли
передайте изъ рода въ родъ:

Рвясь изъ мередіановъ
Атласа арокъ
пѣнится,
звенитъ золотоворотъ,
франковъ,
долларовъ,
рублей,
кронъ,
іенъ,
марокъ.

Тонутъ генiи, курицы, лошади, скрипки.
Тонутъ слоны.
Мелочи тонутъ.
Въ горлахъ
въ ноздряхъ
въ ушахъ звонъ его липкiй
„Спасите!“
Мѣста нѣтъ недоступнаго стону.

А посрединѣ,
обведенный невозмутимой каймой,
цѣлый островъ разцвѣточеннаго ковра.
Здѣсь
живетъ
Повелитель Всего
соперникъ мой
мой неодолимый врагъ.
Нѣжнѣйшiя горошинки на тонкихъ чулкахъ
его.
Штановъ франтовскихъ восхитительны
полосы.

Галстухъ
выпестренный ахово
съ шеищи
по глобусу пуза разползся.

Гибнутъ кругомъ.
Но какъ въ небо буравъ
въ честь
твоего—сіятельный—сана—
Бр-р-а-во!
Эвива!
Банзай!
Ура!
Гохъ!
Гипъ-гипъ!
Вивъ!
Оссана!

Пророковъ могущество въ громахъ винятъ.
Глупые.
Онъ это
читаетъ Локка!
Нравится.

Отъ смѣха
на брюхѣ
звенятъ
молнятся цѣлыя цѣпи брелоковъ.
Онѣмѣлые
стоимъ
передъ дѣломъ Эллина.
Думаемъ:
„кто бы
гдѣ бы
когда бы?“
А это
имъ
покойному Фидію велѣно
„Хочу
чтобъ изъ мрамора
пышные бабы“.

Четыре часа
прекрасный поводъ
„Рабы,
хочу отобѣдать заново!“

И Богъ
— его проворный поваръ—
изъ глинъ
сочиняетъ мясо фазаново.
Вытянется
самку въ любви олелѣявъ
„Хочешь
безцѣннѣйшую изъ звѣднаго скопа?“
И вотъ
для него
легіонъ Галилеевъ
елозитъ по звѣздамъ въ глаза телескоповъ.

Встрясываютъ революціи царствъ тѣльца
мѣняетъ погонщиковъ человѣчій табунъ,
но тебя
некоронованнаго сердецъ владѣльца
ни одинъ не трогаетъ бунтъ!

Страсти Маяковскаго

Слышите?
Слышите лошажье ржанье?
Слышите?
Слышите вопли автомобильи?
Это идутъ,
идутъ горожане
выкупаться въ Его обиліи,

Разливъ людей.
Затерся въ людъ
разстроенный и хлюпкій.
Хватаюсь за уздцы.
Ловлю
за фалды и за юбки,

Что это?
Ты?

Туда же ведома?!
Въ святошествѣ изолгалась!
Какъ красный фонарь у публичнаго дома
кровавъ
налившійся глазъ.
Зачѣмъ тебѣ?
Остановись!
Я знаю радость слаже!
Надменно лѣсъ бровей нависъ.
Остановись!
Ушла уже...

Тамъ, возносясь надъ головами Онъ.

Черепъ блеститъ
хоть надѣнь его на ноги
безволосый
весь разсіялся въ лоскѣ.
Только
у пальца безымяннаго
на послѣдней фалангѣ
три
изъ-подъ брилліанта
выщетинились волосики.

Вижу подошла.
Склонилась рукѣ.
Губы волосикамъ
шепчутъ надъ ними они
„Флейточкой“ называютъ одинъ
„Облачкомъ“ другой
третій сіяньемъ невѣдомымъ
какого то
только что
мною творимаго имени.

Вознесеніе Маяковскаго

Я самъ поэтъ. Дѣтей учите „солнце встаетъ надъ ковылями". Съ любовнаго ложа изъ-за Его волосиковъ любимой голова.

Глазами взвила ввысь стрѣлу.
Улыбку убери твою!
А сердце рвется къ выстрѣлу,
а горло бредитъ бритвою.
Въ безсвязный бредъ о демонѣ
растетъ моя тоска.
Идетъ за мной
къ водѣ манитъ
ведетъ на крыши скатъ.
Снѣга кругомъ.
Снѣговъ налетъ.
Завьются и замрутъ.

И падаетъ
опять!
на ледъ
замерзшій изумрудъ.
Дрожитъ душа.
Межъ льдовъ она
и ей изъ льдовъ не выйти!
Вотъ такъ и буду
заколдованный
набережной Невы итти.
Шагну
и снова въ мѣстѣ томъ.
Рванусь
и снова зря.
Воздвигся передъ носомъ домъ.
Разверзлась за оконнымъ льдомъ
пузатая заря.

Туда!

Мяукалъ котъ.
Коптѣлъ горя
ночникъ.

Звонюсь въ звонокъ.
Аптекаря!
Аптекаря!
Повисъ на палки ногъ.

Выросли
спутались мысли
оленьи
рога.
Плачемъ марая
полъ,
распластался въ моленьи
о моемъ потерянномъ раѣ.

Аптекарь!
Аптекарь!
Аптекарь
гдѣ
до конца
сердце тоску изноетъ?
У неба-ль безкрайняго въ нивахъ
въ бредѣ-ль Сахаръ
у пустынь въ помѣшанномъ знoѣ

есть пріютъ для ревнивыхъ?
За стѣнками склянокъ столько тайнъ.
Ты знаешь высшія справедливости.
Аптекарь
дай
душу
безъ боли
въ просторы вывести.

Протягиваетъ.
Черепъ.
„Ядъ“
скрестилась кость на кость.
Кому даешь?
Безсмертенъ я
твой небывалый гость.
Глаза слѣпые
голосъ нѣмъ
и разумъ заперъ дверь за нимъ
такъ что жъ
еще!
нашелъ во мнѣ
чтобъ ядомъ быть растерзаннымъ?

Мутная догадка по глупому пробрела.
Въ окнахъ зѣваки.
Дыбятся волоса.
И вдругъ я
плавно оплываю прилавокъ.
Потолокъ отверзается самъ.

Визги.
Шумъ.
„Надъ домомъ виситъ!“
Надъ домомъ вишу.

Церковь въ закатѣ.
Крестъ огаркомъ.
Мимо!
Лѣса верхи.
Вороньемъ окарканъ.
Мимо!

Студенты!
Вздоръ
все что знаемъ и учимъ!
Физика, химія и астрономія—чушь.

Вотъ захотѣлъ
и по тучамъ
лечу-жъ.

Всюду теперь!
Можно вездѣ мнѣ.
Взбурься балладъ поэтовыхъ тина.
Пойте теперь
о новомъ—пойте—демонѣ
въ американскомъ пиджакѣ
и блескѣ желтыхъ ботинокъ.

Маяковскій въ небѣ

Стопъ!
Скидываю на тучу
вещей
и тѣла усталаго
кладь.
Благопріятны мѣста, въ которыхъ доселѣ не
были.

Оглядываюсь.
Эта вотъ
зализанная гладь,
это и есть хваленое небо?

Посмотримъ, посмотримъ!

Искрило,
сверкало,

блестѣло
и
шорохъ шелъ
облако
или
безтѣлые
тихо скользили.

„Если красавица въ любви клянется...“

Здѣсь
на небесной тверди
слышать музыку Верди?
Въ облакѣ скважина.
Заглядываю
— ангелы поютъ.
Важно живутъ ангелы.
Важно.

Одинъ отдѣлился
и такъ любезно
дремотную нѣмоту расторгъ:

„Ну какъ вамъ,
Владиміръ Владиміровичъ,
нравится бездна?“
и я отвѣчаю такъ же любезно
„Прелестная бездна.
Бездна—восторгъ!“

Раздражало вначалѣ:
нѣтъ тебѣ
ни угла ни одного,
ни чаю,
ни къ чаю газетъ.
Постепенно вживался небесамъ въ укладъ.
Выхожу съ другими глазѣть,
не пришло ли новыхъ.

„А, и вы!“
радостно обнялъ
„Здравствуйте Владиміръ Владиміровичъ!“
„Здравствуйте Абрамъ Васильевичъ!
Ну какъ кончались,
ничего
удобно-ль?“

Хорошія шуточки, а?

Понравилось.
Сталъ стоять при въѣздѣ.
И если
знакомые
являлись, умиравъ
сопровождалъ ихъ
показывая въ рампѣ созвѣздій
величественную бутафорію міровъ.

Центральная станція всѣхъ явленій
путаница штепселей, рычаговъ и ручекъ.
Вотъ сюда
— и міры застынутъ въ лѣни—
вотъ сюда
— завертятся шибче и круче.
„Крутните“ просятъ,
„да такъ чтобъ вымеръ міръ.
Что имъ?
кровью поля поливать?“

Смѣюсь горячности,
„шутъ съ ними!
пусть поливаютъ,
плевать!“
Главный складъ всевозможныхъ лучей.
Мѣсто выгорѣвшія звѣзды кидать.
Вѣтхій чертежъ
—неизвѣстно чей—
первый неудавшійся проектъ кита.

Серьезно..
Занято.
Кто тучи чинитъ,
кто жаръ надбавляетъ солнцу въ печи.
Все въ страшномъ порядкѣ
въ покоѣ,
въ чинѣ.
Никто не толкается.
Впрочемъ и нечѣмъ.

Сперва ругались.
„Шатается безъ дѣла!“

Я для сердца,
а гдѣ у безтѣлыхъ сердца?!
Предложилъ имъ:
„Хотите
по облаку
тѣломъ
развалюсь
и буду всѣхъ созерцать".

„Нѣтъ—говорятъ—это намъ не подходитъ!"
„Ну, не подходитъ—какъ знаете! Мое дѣло
предложить".

Кузни временъ вздыхаютъ мѣха
и новый
годъ
готовъ.
Отсюда
низвергается громыхая
страшный оползень годовъ.
Я счетъ не веду недѣлямъ.

Мы
хранимые въ рамахъ временъ
мы любовь на дни не дѣлимъ
не мѣняемъ любимыхъ именъ.

Стихъ.
Лучамъ луны на мели
слегъ
волненіе снами сморя
Будто на пляжѣ южномъ
только еще онѣмѣлѣй
и по мнѣ
насквозь излаская
катятся вѣчности моря.

Возвращеніе Маяковскаго

1, 2, 4, 8, 16, тысячи, милліоны.

Вставай
довольно!
На солнце очи!
Доколѣ будешь распластанъ нѣмъ?
Бурчу спросонокъ
„чего грохочутъ?
кто смѣетъ сердцемъ шумѣть во мнѣ?“

Утро
вечеръ ли?
Ровенъ бѣлесый свѣтъ небесъ.

Сколько ихъ
вѣковъ
успѣло уйти
въ дребезги дней разбилось о даль.

Думаю
глядя на млечные пути
— не моя сѣдая развѣялась борода-ль?

Звѣзды падаютъ.
Сталъ глаза вести.
Ишь
туда
на землю быстрая!
Проснулись въ сердцѣ забытыя зависти
а мозгъ
досужій
фантазію выстроилъ.
— Теперь
на землѣ
должно быть ново.
Пахучія весны развѣсили въ селахъ.
Городъ каждый, должно быть, иллюминованъ.
Поетъ семья краснощекихъ и веселыхъ.

Тоска возникла.

Рѣзче и рѣзче.

Царственно туча встаетъ
дальнее вспыхнетъ облако
все мнѣ мерещится
близость
какого то земного облика.

Напрягся,
ищу
межъ другими точками
землю.
Вотъ она!
Въѣлся.
Моря различаю
горы въ орлиномъ клекотѣ.

Рядомъ отецъ.
Такой же.
Только на ухо больше тугъ
да поистерся
немного
на локтѣ
форменный лѣсничаго сюртукъ.

Раздражаетъ.
Тоже
уставился на земь.
Какая старому мысль ясна?
Тихо говоритъ:
„На Кавказѣ
вѣроятно весна".

Безтѣлое стадо
ну и тоску жъ оно
гонитъ!
Взбубнилась злоба апаша.
Папаша
мнѣ скушно!
Мнѣ скушно папаша!
Глупыхъ поэтовъ небомъ маните
вырядились
звѣздъ ордена!
Солнце!
чего расплескалось мантіей?
Думаешь кардиналъ?

Довольно лучи обсасывать въ спячкѣ.
За мной!
Все равно безъ ножекъ
—чего вамъ пачкать?!
И галошъ не понадобится въ грязи земной.

Звѣзды!
Довольно
мученическій плести
вѣнокъ
землѣ!
Озакатили краснымъ.
Кто тамъ
крылами
къ землѣ блеститъ?
Заря?
Стой!
По дорогѣ какъ разъ намъ.

То перекинусь радугой,
то хвостъ завью кометою.
Чего пошелъ играть дугой?
Какую жуть въ каймѣ таю?

Показываю
мірамъ
номера
невѣроятной скорости.
Духъ
бездомный давно
полонъ думъ о давнихъ
дняхъ.
Земныхъ полушарій горсти
вижу—
лежатъ города въ нихъ.

Отдѣльные голоса различаетъ ухо.
Взмахахъ въ ста.
„Здравствуй старуха!“
Поскользнулся въ асфальтѣ.
Всталъ.
То-то удивятся не ихней силищѣ
путешественника небъ.
Голоса:

„Смотрите,
должно быть красильщикъ
съ крыши.
Еще удачно!
Тяжелый хлѣбъ.“

И снова
толпа
въ поводу у дѣла,
громоголосный катился день ея.
О, есть ли
глотка,
чтобъ громче вгудѣла
— города громче
въ его гудѣніе.

Кто схватитъ улицъ рвущійся вымахъ!
Кто можетъ распутать тоннелей подкопы!
Кто ихъ остановитъ,

по воздуху
въ дымахъ
аэропланами буравящихъ копоть!

По скату экватора
изъ Чикагъ
сквозь Тамбовы
катятся рубли.
Вытянувъ выи,
гонятся всѣ,
тѣлами утрамбовывая
горы,
моря,
мостовыя.

Ихъ тотъ же
лысый
невидимый водитъ
главный танцмейстеръ земного канкана.
То въ видѣ идеи,
то чорта вродѣ,
то Богомъ сіяетъ за облако канувъ.

Тише философы!
Я знаю.
Не спорьте
— зачѣмъ источникъ жизни даренъ имъ.
Затѣмъ чтобъ рвать,
затѣмъ чтобъ портить
дни листкамъ календарнымъ.

Ихъ жалѣть!
А меня имъ жаль?
Сожрали бульвары,
сады,
предмѣстья!
Антикваръ?
Покажите!
Покупаю кинжалъ.

Сладко чувствовать
вотъ
предъ местью я.

Маяковскій вѣкамъ

Куда я,
зачѣмъ я?
Улицей сотой
мечусь
человѣчьимъ
разжужженнымъ ульемъ.
Глаза пролетаютъ оконныя соты
и тяжко
и чуждо
и мерзко въ іюлѣ имъ.

Витрины и окна тушитъ
городъ.
Усталъ и сникъ.

И только
тучъ выпотрашиваетъ туши
кровавый закатъ мясникъ.

Слоняюсь.
Мостъ феерическій.
Влѣзъ.
Въ страшномъ волненьи взираю съ него я.
Стоялъ вспоминаю.
Былъ этотъ блескъ
и это
тогда
называлось Невою.
Здѣсь городъ былъ.
Безсмысленный городъ,
выпутанный въ дымы трубнаго лѣса.
Въ этомъ самомъ городѣ
скоро
ночи начнутся,
остеклянѣлыя,
бѣлесыя.

Іюлю капутъ

Обезночѣлъ загрѣтый.
Избредился въ шопотъ чего-то сквозного.
То видится крестъ лазаретной кареты,
то слышится выстрѣлъ.
Умолкнетъ
и снова.
Я знаю,
такому какъ я
накалиться
недолго
конечно,
но всетаки дико
когда не фонарныя тыщи,
а лица.
Гдѣ было подобіе этого тика?
И вижу надъ домомъ
по риску откоса
лучами идешь
собираешь ихъ въ копны.

Тянусь,
но туманомъ ушла изъ подъ носа.

И снова стою
онѣмѣлый и вкопанный
— гулякъ полуночныхъ толпа раскололась,
почти что чувствую запахъ кожи,
почти что дыханье,
почти что голосъ,
я думаю призракъ
онъ взялъ да и ожилъ.
Рванулась
вышла изъ воздуха узъ она.
Ей мало
одна!
— раскинулась въ шествіе.
Ожившее сердце шарахнулось грузно.
Я снова земными мученьями узнанъ.
Да здраствуетъ
— снова! —
мое сумасшествіе!

Фонари вотъ такъ же врѣзаны были
въ середину улицы.
Дома похожи.
Вотъ такъ же
изъ ниши
головы кобыльей
вылѣпъ.

— Прохожій!
Это улица Жуковскаго?

Смотритъ
какъ смотритъ дитя на скелетъ
глаза вотъ такіе
старается мимо.

„Она—Маяковскаго тысячи лѣтъ:
Онъ здѣсь застрѣлился у двери любимой“.
Кто
я застрѣлился?
Такое загнутъ!
Блестящую радость сердце вычекань!

Къ окну
лечу.
Небесъ привычка.
Высоко.
Глубже ввысь зашелъ
за этажемъ этажъ.
Завѣсилась.
Смотрю за шелкъ
— все тоже
спальня та-жъ.
Сквозь тысячи лѣтъ прошла и юна
лежишь
волоса луною высиня.
Минута...
и то
что было—луна
Его оказалась голая лысина.

Нашелъ!

Теперь пускай поспятъ.

Рука
кинжала жало стисни.
Крадусь,
приглядываюсь
и опять!
люблю
и вспять
иду въ любви и въ жалости.

Доброе утро!

Зажглось электричество.
Глазъ два выката.
— Кто вы?—
„Я Николаевъ
— инженеръ.
Это моя квартира.
А вы кто?
Чего пристаете къ моей женѣ?“

Чужая комната.

Утро дрогло.
Трясясь уголками губъ
чужая жена
раздѣтая догола.
Бѣгу.
Растерзанной тѣнью
большой
косматый
несусь по стѣнѣ
луной облитый.
Жильцы выбѣгаютъ запахивая халаты.
Гремлю о плиты.
Швейцара ударами въ уголъ загналъ.
— изъ сорокъ второго
куда ее дѣли?—
„легенда есть
къ нему
изъ окна.
Вотъ такъ и валялись
тѣло на тѣлѣ“.

Куда теперь!
Куда глаза
глядятъ.
Поля?
Пускай поля!
Траля ля дзин дза
тра ля ля дзин дза
тра ля ля ля ля ля ля ля
Петлей на шею лучь накинь!
Сплетусь въ палящемъ лѣтѣ я!
Гремятъ на мнѣ
наручники
любви тысячелѣтія.

Погибнетъ все.
Сойдетъ на нѣтъ.
И тотъ
кто жизнью движетъ
послѣдній лучъ
надъ тьмой планетъ
изъ солнцъ послѣднихъ выжжетъ.

Только
боль моя
острѣй
стою
огнемъ обвитъ
на не сгорающемъ кострѣ
немыслимой любви.

Послѣднее.

Ширь
бездомнаго
снова
лономъ твоимъ прими!
Небо какое теперь?
Звѣздѣ какой?

Тысячью церквей
подо мной
затянулъ
и тянетъ міръ:
„Со святыми упокой!“

Книги В. Маяковскаго.

„ “ стихи литограф. 50 к. распр.

„Владиміръ Маяковскій“ трагедія 1 р. распр.

„Облако въ штанахъ“ 1 изд. 1 р. распр.

„Флейта позвоночника“ 50 к. распр

„Простое какъ мычаніе“ сборн. 1 р. 50 к.

„Война и міръ“ 2 р. 25 к.

„Облако въ штанахъ“ 2 изд. 3 р.

„Человѣкъ“ вещь 2 р.

„Кофта фàта“ сатира готов. къ печ.

3 р.

ИЗД.

АСИС